

игрища полуязыческого происхождения. В «Пискаревском летописце» так описываются «потехи» юноши Ивана IV, находившегося с войском близ Коломны: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры, и сеял гречиху, и иные потехи: на ходулех ходил и в саван наряжался».³⁰ Тот же летописец расширяет и наши представления о «пирах частых со многими пьянствы», описанных Курбским.³¹ Опившиеся гости на таких пирах глумились «всяким глумлением: . . . овии стихи пояше, а овии песни вспевати и собаки звати, и всякие срамные слова глаголати».³²

Быть может, под воздействием народных театральных представлений и религиозных празднеств у Грозного и выработалась характерная для него склонность к театральным эффектам. Так, во время новгородского погрома архиепископа издевательски посадили на кобылу, дав ему в одну руку гусли, а в другую дурацкую палку.³³ Принимая после набега крымцев на Москву представителей крымского хана, присланных «по выход», Иван IV нарядился в сермягу, бусырь и баранью шубу и в таком одеянии отвечал послам: «Видишь де меня в чем я? Так де меня царь (т. е. крымский хан, — С. Ш.) зделал? Все де мое царьство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю».³⁴ В расчете на эффект был задуман и внезапный выезд царя со двором из Москвы накануне учреждения опричнины. Иван IV и сам, видимо, (во всяком случае в молодые годы), поддавался несколько театрализованному воздействию, чем и воспользовался Сильвестр в июне 1547 г., припугнув юношу-царя «детскими страшилы».³⁵

В годы опричнины три слепца ежевечерне рассказывали Грозному перед сном «старинные истории, сказки и фантазии за одной другую».³⁶ По преданию, когда Иван Грозный хотел повеселиться, он приказывал петь песни, сложенные о завоевании Казани и Астрахани.³⁷

Таким образом, воздействие фольклора на Ивана IV было постоянным и непосредственным.

Характерные черты Грозного-писателя наглядно проявились в бранно-презрительной лексике, в которой постоянно смешение церковно-славянизмов, придуманных сложных слов, слов с суффиксами «-ние», «-ость», «-ство», имеющими значение отвлеченности, с московским просторечием. Здесь особенно ощутимы новаторство Грозного в области языкотворчества, многообразие его лексических средств, эмоциональная насыщенность его речи.

В посланиях, особенно написанных в ответ на «лай» противников, Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях. «Ядовитые словесы» со «многую яростию и лютоостию» как бы наслаиваются

³⁰ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. — Материалы по истории СССР, в. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 73—74, 159.

³¹ РИБ, т. XXXI, стлб. 267.

³² О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 85.

³³ Послание И. Таубе и Э. Крузе. Перевод М. Г. Рогинского. — Русск. истор. журн., 1922, кн. 8, стр. 49. То же писал и Гваньини (там же, стр. 20, предисловие).

³⁴ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 80.

³⁵ Послания Ивана Грозного, стр. 57, 121; РИБ, т. XXXI, стлб. 169. Заклинания Сильвестра на фоне «зельнейшего московского пожара» в дни массового восстания «черных людей», убивших главу правительства — родного дядю царя князя Ю. В. Глинского и угрожавших самому царю, должны были произвести на юношу Ивана IV устрашающее впечатление. Менее чем через четыре года он вспоминал: «и отсего бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя» (Стоглав, 1863 стр. 31).

³⁶ Послание И. Таубе и Э. Крузе, стр. 39—40.

³⁷ А. Олсариий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. Пер. А. Ловягина. СПб., 1906, стр. 373.